

Истоки

Н. Найдин. Первокурсник.
Из серии открыток "Типы студентов". 1911

В начале прошлого века на кафедре минералогии Императорского московского университета (ИМУ) вокруг профессора Владимира Ивановича Вернадского сформировался коллектив молодых исследователей. Почти через полвека, по-видимому, вскоре после смерти ученого 6 января 1945 года, об этом написал Александр Евгеньевич Ферсман, ушедший из жизни вслед за своим учителем в мае того же года. Эти воспоминания появились в траурном номере Бюллетеня Московского общества естествоиспытателей, посвященном памяти В. И. Вернадского и А. Е. Ферсмана.

Вот как вспоминает о своем учителе Ферсман*:

«Был 1903 год. Две маленькие полутемные комнаты в старом здании университета, и на площади едва в 20 м² семь рабочих столов химиков-минералогов. В полутемном подвале тяга для химических работ. В окне той же комнаты точные химические весы и огромная белая печь. Это минералогическая лаборатория Владимира Ивановича Вернадского, из которой вышло огромное число прекрасных научных исследований, и где зарождались научные идеи, положенные потом в основу целой научной школы...

Длинный низкий коридор, проходивший мимо знаменитого конференц-зала, вел в верхний этаж, к которому мы относились с громадным уважением и некоторым страхом. Там был большой кабинет В. И. Вернадского с его спектрографическими установками, там был огромный зал с великолепными стенными коллекциями Московского университета. Там сидели старшие ассистенты профессора – увы,

*Ферсман А. Е. (Название статьи) // Бюл. МОИП, 1946. Сер. геол. Т. XXI (1), 1946. С. 121-126.

На стр. 2-3:
Заведующий минералогическим кабинетом Московского императорского университета профессор Владимир Иванович Вернадский со своими ассистентами (слева направо). В.В.Карандеев, Г.И.Касперович, А.Е.Ферсман, П.К.Алексат.

Профессор Московского университета Николай Егорович Жуковский среди студентов, участников экскурсии на Мытищинскую водонасосную станцию. Фотография студентов П..Флоренского и Н. Семеникова.

В палеонтологическом музее: А.К. Агаджанян, А. Андреевских, Т. Ибатуллин, Р. Аглямов, П.В. Флоренский, А. Калашников, С. Мюрсеп. А. Шубенков, А. Гладков. (Поиск, апрель 2001, №7-8)

В известняковом карьере под Серпуховым 25 марта 1956 г.
"Петрографы" О. Супруненко, Л. Нарожных, В. Работнов

матически минералы, чтобы наш глаз набивался бы на сотнях, тысячах образцов, чтобы мы учились определять присылавшиеся к нам образцы, умели точно записывать их в инвентарь.

Пришла весна, и В. И. Вернадский со свойственным ему увлечением потянул нас в экскурсии и экспедиции. Он рассказывал, как на факультете не понимали его заявлений о необходимости для минералога настоящих экспедиций. Что экспедиции предпринимают геологи, это всем было очевидно, но чтобы нужны были поездки минералогам – это совсем непонятно. Ведь они должны сидеть у себя в кабинете, измерять кристаллы и делать химические анализы минералов. Но Владимир Иванович был другого мнения.

Первые наши студенческие поездки проводились под самой Москвой – в Хорошове, Дорогомилове, Мячкове или Подольске. Особенно мы любили ездить в Дорогомилово. Там около старого пивного завода существовала замечательная каменоломня, ныне уже не существующая. Здесь в плотном известняке попадались целые жеоды или прослойки плотного бурого кремня. Разобьешь молотком жеоду, а внутри пустота, высланная кристаллами горного хрусталя или известкового шпата. Если около Обираловки эти же кристаллики приобретали светло-фиолетовый оттенок аметиста, то здесь они были чисто белого цвета. И я помню, как однажды Вернадский, близко присматриваясь к этим кристаллам, обратил наше внимание на то, что все они короткостолбчатые, что в них штриховка идет по базопинокоиду, тогда как в настоящих горных хрусталях мы имеем кристаллы вытянутые, с вертикальной штриховкой. В сущности,

ныне покойные – Я. В. Самойлов, Н. И. Сургунов и В. В. Карандеев.

Почти каждый день В. И. Вернадский спускался в нашу нижнюю лабораторию. Не без трепета ожидали мы его прихода, его неизменного «Что у вас?». Он был полон интереса ко всем нашим темам, его увлекали тогда проблемы химии минералов, висевшие уже в воздухе идеи молодой геохимии.

Все мы должны были работать в музее над коллекциями. Владимир Иванович настаивал, чтобы мы просматривали систе-

Н. Найдин. Медик. Из серии открыток "Типы студентов". 1911

Студенты у разреза юрских глин. Галутвинский карьер. На переднем плане К. А. Скрибко. сентябрь 2006 г.

это были первые идеи о типоморфных минералах. Сейчас они выросли в целую главу нашей минералогии, так как рассказывают нам о том, как меняются свойства каждого минерала в зависимости от условий его образования.

Много раз посещали мы обнажения черных юрских глин на берегу р. Москвы около Хорошова. Здесь целые раковины аммонитов были превращены в сплошной колчедан; выветривание его давало кристаллики гипса или покрывало зеленым налетом железного купороса эти образования. Я помню, как Владимир Иванович обращал наше внимание, что налет купороса является лишь временным образованием, что достаточно первого дождя, чтобы смыть растворимые соли, окислить железо и буро-ржавыми пятнами покрыть прекрасные раковины аммонитов.

Минерал рисовался в словах Владимира Ивановича не как что-то мертвое, постоянное, неизменное. Мы учились понимать его

историю, его образование из железного колчедана, его гибель в струйках воды, его превращение в новые соединения. Новыми глазами учились мы смотреть на окружающую нас природу. И каждый камень оказывался связанным с ней тысячами нитей, которые притягивались не только к каплям дождя, не только к остаткам древних раковин, но и к современной жизни, к органическим растворам, поверхности, к деятельности самого человека. Еще слово геохимия не было ни у кого на языке, но мы становились геохимиками, вдумываясь и углубляясь в вечные законы химического превращения земли.

Наконец, третье месторождение, которое мы посещали, это Подольск. Здесь была громадная каменоломня цементного завода. Здесь еще шире раскрывались перед нами картины химических процессов земной коры. В известняках шли процессы образования доломита, возникали целые прослойки кремнелых пород, а среди них тонкими прослоечками, как войлок, лежали пленки палыгорскита, этого замечательного, похожего на тряпку минерала.

Черные юрские глины покрывали древние камен-

Н. Найдин. Филолог. Из серии открыток "Типы студентов". 1911

ноугольные известняки. Между глинами и известняком возникали свои химические реакции. Ряд замечательных минералов, в том числе и новый гидрат кремнезема – шанявскит – был описан и изучен при этих работах! В трещинах известняков образовывались сталактиты и сталагмиты. Целые натеки украшали стенки этих трещин. И каково было наше удивление, когда в одном месте они оказались окрашенными в зеленый цвет солями никеля. Вскоре мы убедились, что эта окраска вызвана тем, что наверху лежал старый железный лом и среди него, очевидно, остатки никелевых изделий. Очевидно, наши карбонаты росли за последние десятки лет на глазах самого человека...»

В 1957 году студент первого курса К. А. Скрипко, будущий научный сотрудник Музея земледения МГУ им. М.В. Ломоносова, вулканолог и большой друг «петрографов», участник наших экспедиций, изучал сульфиды, образовавшиеся по остаткам деревьев в юрских отложениях Подольского карьера. Он установил, что по крупным остаткам формировались пирит и марказит, а вот по тонким веточкам образовались полиметалльные сульфиды, в т. ч. никель-содержащий браваит (Fe, Ni, Co, S₂.)

«Постепенно раскрывалась перед нами вся сложная картина химических процессов, которые шли в Московской котловине. Мелководные девонские бассейны сменились здесь глубокими морями карбона. Затем на их осадки легли отложения соляных озер – гипсы и доломиты. Но на чем лежит вся эта масса осадков толщиной почти в 2 км, на что давит эта огромная тяжесть, вызывающая в глубинах давление в десятки атмосфер? Где дно Московской котловины, на котором покоится вся чаша колыхавшихся почти в течение миллиарда лет океанов, морей и озер?

Геологи сложными построениями пытались ответить на этот вопрос. Но минералогу и геохимику нужны реальные факты, реальные объекты, минералы, которые он мог бы посмотреть и подвергнуть анализу.

И вот в Замоскворечье в 1934 году заложена первая глубокая скважина. Она прошла каменноугольные известняки, осадки песчанистого угленосного яруса, наткнулась на громадные толщи сплошного гипса, а хлынувшие с глубины 700-800 м воды оказались насыщенными солью. Горячие воды с температурой примерно 35° содержали грандиозное количество солей натрия и другие металлы, но что самое поразительное – это были настоящие рассолы соляных бассейнов не только с хлором, но и бромом, йодом. Сейчас заложены новые буровые. Грандиозной струей горячие растворы будут подниматься на земную поверхность...

Минералогия и геохимия большой Московской котловины не может оставаться не изученной и не описанной! Как раз в эти годы В. И. Вернадский начал капитальный труд «История минералов», а студенческие организации издавали его лекции

Н. Найдин. Математик. Из серии открыток "Типы студентов". 1911

Студент пятого курса Московского университета П.А. Флоренский. Фото Р. Бродовского. Москва. Весна 1904 г

по минералогии, до сих пор сохранившие глубину и свежесть исследовательских идей».

Традиция научных студенческих объединений характерна и для других факультетов ИМУ. Заметным явлением в культурной жизни России рубежа XIX–XX веков было Историко-филологическое студенческое общество, созданное князем Сергеем Николаевичем Трубецким. В конце 90-х годов XIX века на историко-филологическом факультете был образован кружок, работавший, как заявлял его создатель, «под эгидой практических занятий по философии истории». На заседаниях кружка студенты и профессора делали рефераты на темы, которые не затрагивались в лекциях на факультете, тут царил свобода в общении преподавателей и студентов.

На основе кружка 6 октября 1901 года в торжественной обстановке открылось Историко-филологическое студенческое общество. Активным его членом был студент-филолог Владимир Эрн, а его друг, студент-математик Павел Флоренский, посещавший собрания общества, подготовил и прочел там ряд рефератов, как тогда назывались доклады. После

скоропостижной кончины первого выборного ректора ИМУ князя Трубецкого ученики возродят его заветы в лоне Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева.

В в конце октября 1902 года, по математической аудитории ИМУ был пущен листок:

«В ближайшем будущем предполагается открытие студенческого общества при нашем факультете: цель его – занятия по всем отделам теоретической и прикладной математики (механики, астрономии, физики и т.п.). Посещать собрания общества могут студенты всех факультетов. Так как условием скорейшего открытия собраний общества является наличие известного количества рефератов (около семи), то все, надеющиеся в скором времени представить сообщения, приглашаются подписываться и обозначать крайний срок, когда они могут сделать сообщения. За справками обращаться к студентам 3-го курса Флоренскому и Успенскому».

Когда листок вернулся к отправившим его, на нем оставили свои подписи восемь добровольцев:

«Деринг 3 к<урс>. (Декабрь?). Семенников 3 к<урс>. (Декабрь?). Фридман 3 к<урс> (ноябрь половина). Тавдгеридзе 3 к<урс> (Декабрь). Люботович (Декабрь). Трегулов (Декабрь). Костицын (второй семестр). Бюшгенс («Ур-ния объемов и площадей, как геометрических мест точек» 10 мин)».

Так стараниями студента П. А. Флоренского появилось студенческое математическое общество ИМУ. Инициатива создания объединения и лидерство в нем противоречили характеру Флоренского, не имевшего ярко выраженного обществен-

ного темперамента. По-видимому, шаг этот объясняется тем, что молодой математик пытался воспроизвести в университете лучшее, что вынес из 2-й тифлисской гимназии, где был активным участником историко-философского кружка, созданного учителем истории Георгием Николаевичем Гехтманом, был исключительно талантливым педагогом. Именно участники его кружка составили блистательное созвездие выпуска гимназии

1900 года. Именно Гехтман, предопределил жизненный путь таких разных людей, как философ и священник Флоренский, философ Эрн, церковный публицист и священник Ельчанинов, революционеры братья Церетели, психиатр Асатиани. Его учениками были и гимназист Розенфельд (будущий революционер Каменев), художники братья Бурлюки (соратники Маяковского). Их разделяли жизненные установки, пути и взгляды, но объединяли горячие устремления, максимализм мысли и поступков.

Несомненно, что, создавая математический кружок, Павел Флоренский хотел сохранить и перенести на свой факультет атмосферу простоты, естественности и демократизма, составлявшую стиль работы общества, созданного С. Н. Трубецким. Просуществовало математическое общество до 1905 года. Биографии многих его участников свидетельствуют о том, что оно сыграло определенную роль в их жизни, в становлении науки, развитии Московской математической школы.

Попробуем заглянуть еще глубже в прошлое. Оказывается, в 1810 году по инициативе студента М. Н. Муравьева (1796–1866) было образовано «Общество математиков», ставившее задачу «распространения математических знаний посредством переводов, сочинений, преподавания, в основном среди военных».

Студенческие кружки-объединения на физмате были и позже. Упоминания о них сохранились в журнале «Вопросы философии и психологии» (Кн. 2(32), 1896), где в разделе хроники сообщается о том, что 9 декабря на заседании Московского математического общества, основанного в 1867 году, его президент профессор Н. В. Бугаев рассказал об устройстве математического студенческого кружка при «Математическом обществе».

Организация Общества и в последующие годы находит поддержку Московского математического общества («большого, профессорского», как называли его студенты). Из протокола его заседания 19 ноября 1902 г.: «Н. Е. Жуковский заявил, что студенты математического отделения просили его взять на себя руководство

Московский императорский университет. Старое здание. Открытка начала XX века

Профессор Московского университета Николай Егорович Жуковский. Фотография студентов П. Флоренского и Н. Семенникова. Мытищи, 25 октября 1902 г.

внеочередными заседаниями Общества, с тем, чтобы студенты, участвующие в этих заседаниях, образовали особый студенческий кружок при Математическом обществе. Определено: просить Н. Е. Жуковского взять на себя руководство студенческими собраниями и заявить факультету о согласии Общества на учреждение при нем студенческого кружка»*.

Работа студентов продолжалась:

«Возобновление заседания студенческого общества состоится при Московском математическом обществе. 1-е заседание имеет быть во вторник 26 ноября в 7/4 часов вечера.

Предмет заседания:

- 1) Сообщение Н. Е. Жуковского «О движении подпочвенных вод».
- 2) Сообщение В. Фридмана «Опыты Белопольского по принципу Доплера».
- 3) Сообщение Флоренского «К вопросу о функциях постоянных внутри данных контуров».
- 4) Сообщение Н. А. Семенникова «Теория планиметров».

Студенты, желающие быть на заседании, приглашаются в математическую аудиторию».

О подготовке заседания и связанном с ним визите к приват-доценту А. К. Власову Флоренский рассказывает в письме родителям от 24 ноября:

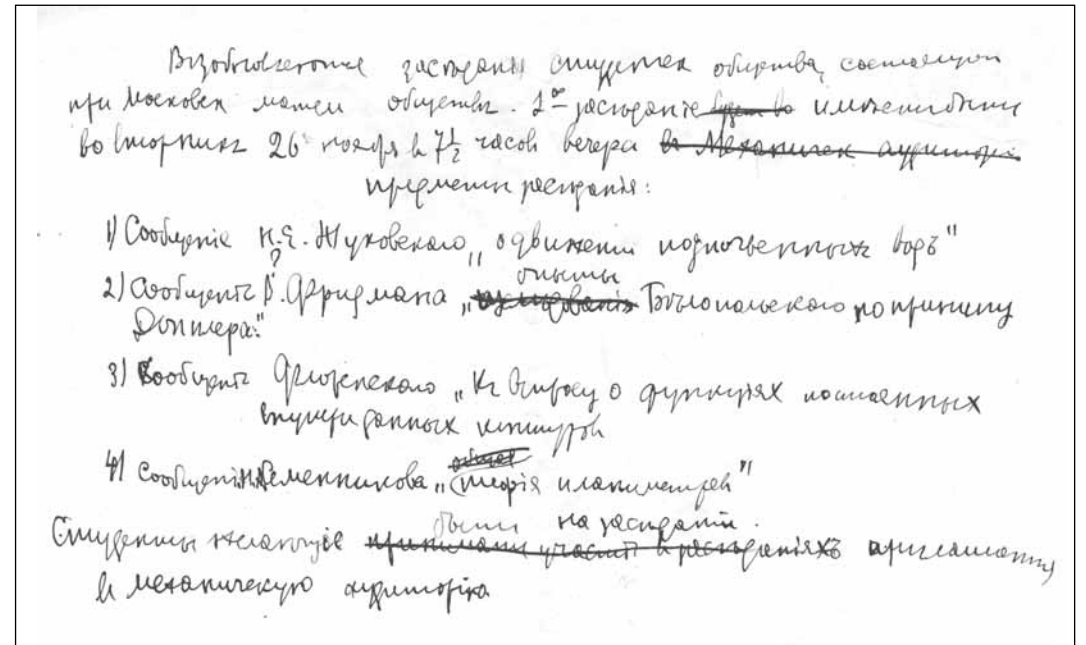
«Последние несколько дней мне приходится вести очень уж быструю жизнь и волноваться порядочно: к открытию нашего математического общества приходится устраивать всякие мелочи, а, кроме того, я сидел, напр., вчера целый вечер и строчил реферат. По поводу него пошел я к одному из наших приват-доцентов, Власову**.

Он предложил мне несколько книжек, а, кроме того, с ним надо было поговорить относительно самого общества, т.к. оно функционировало, как раскрылось теперь, еще когда он был студентом. Вот по его-то совету придется ходить по профессорам и просить к нам на заседание, т.к. иначе, как говорил он, они могут несколько обидеться. Хорошо то, что те профессора, которых считаю нужным приглашать сам, все очень почтенные во всех смыслах и я, действительно, буду очень доволен, если они придут. Впрочем, в этом отношении я неисправимый оптимист и minimum даже идеального настроения и талантливости заставляет меня уже совсем возносить до небес, а у нас такая крупная ученая величина, как Бугаев. Одним словом, придется любезничать.

У Власова я просидел часа 2, и болтали мы сначала о математике, а потом о разных разностях. Он очень молод, так что с ним почти как с товарищем, держит

*Математический сборник, 1903. Т. 24. С. 693.

**Власов А. К. (1868–1922) – приват-доцент, профессор МГУ, известен работами по геометрии.

Объявление о том, что "«Возобновление заседания студенческого общества состоится при Московском математическом обществе", написанное рукой П. А. Флоренского. Архив семьи Флоренских.

себя просто. Думаю, что особенных познаний кроме его специальности у него нету, но зато в нем есть интерес и широкое отношение к математике. Между прочим, он предложил мне на Святки, если я останусь, заняться вместе ним изготовлением одной геометрической модели».

Нельзя сказать, что Флоренскому по душе пришлось организаторская деятельность, в чем он сознается в письме матери после второго заседания, состоявшегося 3 декабря: «Относительно моей практической деятельности ты неверно представляешь дело. С самого начала она сама по себе мне внушала легкое отвращение, и заранее я чувствовал апатию; но так как я считаю общество наше нужным, то, несмотря ни на что, буду поддерживать его и не отстранюсь, пока только будут желающие послушать его собрания. Но дело до этого еще очень далеко, т.к. на втором собрании присутствовало много студентов и даже, несмотря на то, что мы пересолили, в один дух дав 4 реферата и 2 отдельных замечания, несмотря на это, до 12 часов ночи все же оставалось еще порядочно человек. Понятное дело, что подобной глупости мы более не сделаем и уж более 2 рефератов назначать не станем, если только они не очень малы»*.

Рождественские каникулы прервали заседания общества, но желание продолжать их было велико, о чем П.А. Флоренский сообщает матери 21 января 1903 года: «Собираемся в скором времени устроить заседание нашего математического общества. Дела его, видимо, оживились, т. к. не хватает места для рефератов, да,

*см. письмо к матери от 9 декабря 1902 г П. А. Флоренский. Собр.соч. в 4-х томах. М., Мысль, 1998.

кроме того, некоторые профессора хотят делать небольшие сообщения». Вскоре Л. К. Лахтин действительно выступил на заседании общества, о чем Флоренский пишет матери 31 января: «У нас было на днях заседание общества, о котором ты уже знаешь, и заседание это сошло интересно, тем более что проф. Лахтин сделал сообщение о своей работе, касающееся таких поверхностей, у которых имеется только одна сторона. Вообще дела общества идут довольно оживленно, и для рефератов даже не хватает времени, т. к. мы собираемся не более двух раз в 1 месяц».

На третьем заседании в середине февраля 1903 года. П. А. Флоренский прочел реферат по теории сетей.

Студенческое общество, созданное Флоренским, состоялось, хотя и не в том виде, что предполагал его создатель. Вероятно, Флоренский не получил должной поддержки от профессоров – не столько организационной, сколько вдохновенной подпитки, создающей нерасторжимую связь учитель-ученики. Второго Гехтмана в университете не нашлось... Учителем с большой буквы не успел стать Н. В. Бугаев, не удалось это Б. К. Млодзеевскому и Л. К. Лахтину. Мог бы сыграть подобную роль в жизни студента Флоренского, если

бы не укрепился уже на иной стезе, достигнутой через школу университета Николай Егорович Жуковский – ученый, организатор науки, отец русской авиации.

Первые впечатления о Жуковском П. А. Флоренский сообщает матери 28 октября 1902 года: «Были мы вчера, как собирались, в Мытищах. Там я видел довольно много интересного, а главное, интересно было побыть с Жуковским. Он замечательно милый человек, очень добрый и простой. Кроме механики, чистой и прикладной, он ни о чем не думает, и поэтому интересно послушать его, так же как интересно бывает на лекциях: чувствуется в каждом слове его, что это действительно знаток дела и, главное, относящийся к нему с любовью. Ему не наскучит выводить одно и то же, т.к. каждый раз он заново обдумывает, видит новое, изменяет по тем или другим соображениям». Позже, 18 ноября, он признается в письме отцу: «В очень многих отношениях Жуковский напоминает тебя, только он беспредельно добродушен и

Профессор Московского университета Николай Егорович Жуковский консультирует студентов. Фотография студентов П. Флоренского и Н. Семеникова.

Н. Найдин. Физик. Из серии открыток «Типы студентов». 1911

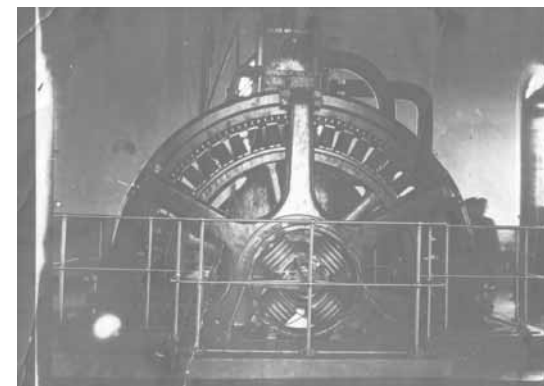
никогда не острит, хотя на его лекциях часто смеешься именно благодаря его истинным остроумам, которые он говорит, сам того не замечая. Мне в нем то нравится, что он никогда не ограничивает нас, а, наоборот, с чем бы к нему ни прийти, он сейчас же начинает так относиться, как будто иначе быть не могло, но требует зато основательности».

Пешком через всю Москву в марте 1921 года провожал в последний путь священник Павел Флоренский своего учителя Н. Е. Жуковского, которого везли на шасси аэроплана (подобно тому, как на артиллерийском лафете помещают прах военного). «Похожего на папу» Жуковского он нежно любил и привил трепетное чувство своему старшему сыну. Василий Павлович жил недалеко от Донского монастыря, где погребен Н. Е. Жуковский, и водил детей на его могилу.

Вернемся к изложенному на кружке сообщению Н. Е. Жуковского «О движении подпочвенных вод». Этой проблемой он интересовался давно, с докладом «Теоретическое исследование о движении подпочвенных вод» выступил 1 декабря 1888 года на заседании Политехнического общества при Московском техническом училище*.

Эта работа Н. Е. Жуковского легла в основу подземной гидравлики, ставшей теоретической базой разработки нефтяных и газовых месторождений и связанной с именем профессора МНИ Л. С. Лейбензона (1879–1951).

«В 1903 году Николай Егорович Жуковский привел в дом А. В. Бари одного из своих учеников, молодого студента Леонида Лейбензона и отрекомендовал его как будущего ученого, на которого возлагает большие надежды. При знакомстве Александр Вениаминович (Бари) поинтересовался: чему же собирается посвятить себя будущий ученый? Л. Лейбензон подробно рассказал о том, что в перспективе желал бы заняться проблемами нефти. Да вот беда – безденежье, приходится подрабатывать, но не всегда находится работа. А. В. Бари предложил молодому студенту серьезно заняться в будущем проблемами первичной очистки нефти в песчаных пластах, о которых Александр Вениаминович знал не понаслышке. И если удастся научно обосновать основные теоретические положения, то возможно ли применить их к проблемам фильтрации подпочвенных вод. А. В. Бари был осведомлен о работах Н. Е. Жуковского, который в это время готовил к публикации ряд проблемных статей: «О движении подпочвенных вод», «О влиянии давления на насыщенные водой пески», «О повреждении водопроводных труб», «О гидравлическом ударе в водопроводных трубах» и др.

Фотография, посланная П. А. Флоренским отцу, А.И.Флоренскому. На обороте надпись: «Мытищи. Динамо-машина, доставляющая энергию к насосам Фарко». Фотография студентов П. Флоренского и Н. Семеникова. Мытищи. 25 октября 1902 г.

*Н. Е. Жуковский. О движении подпочвенных вод. //Журнал физико-технического общества (часть философская), 1889, т. 21, № 20; см. также: Жуковский Н. Е. Собрание сочинений. Т. 3. М.-Л., 1949, с. 184-206).

Александр Александрович Флоренский, студент Санкт-Петербургского императорского университета. Портрет работы его сестры, О. А. Флоренской 1911 г.

Беседа ученого, знаменитого инженера и студента имела последствия, оставившие след в нефтепромышленной промышленности. В числе славных имен нашего университета – Леонид Самуилович Лейбензон, выдающийся ученый, академик, который внес весомый вклад в фундаментальную теорию фильтрации нефти и газа, создал школу инженеров, работавших в области нефтегазовой гидродинамики. В 1924 году, будучи уже заведующим кафедрой в Московском государственном университете, Лейбензон создал гидравлическую лабораторию, в которой началось решение фундаментальных проблем фильтрации воды в песчаных пластах*.

Руководителем о ещё одного центра неформального воспитания будущих геологов был Александр Александрович Флоренский – петрограф, специалист по Кавказу, первооткрыватель цинкового месторождения Квайса в Южной Осетии, брат священника Павла Александровича Флоренского, дядя Василия Павловича Флоренского и учитель В. П. Петрова и Е. К. Устиева (далее в тексте – Женя), крупных геологов, неоднократно выступавших перед «петрографами»**.

Вспоминает Валерий Петрович Петров:

«Гражданская война к 1922 году кончилась, шла большая демобилизация, и Александр Александрович пришел в Тифлис с Красной Армией и был здесь демобилизован. Александр Александрович был из студентов Петербургского университета; с последнего курса он был взят еще в царскую армию. Он прошел через горнило турецкого фронта на Кавказе. Уроки Александра Александровича были исключительно интересны и захватывали всех нас. Мы были старшими в школе, и после окончания четвертого класса (нынешнего восьмого) мы должны были переходить в техникум. Как старшие, мы были главной и очень активной рабочей силой на огороде, а под руководством Александра Александровича школьный огород буйно рос. Александр Александрович по совершенно неясным для нас признакам видел все недостатки огромного поля, занятого нашим огородом и садом, и по его указаниям мы проводили кое-где поливки, кое-где унавоживали, и овощи у нас росли лучше, чем у соседей – профес-

Евгений Константинович Устиев. 1960-е годы, по возвращению из магаданских лагерей.

*В.И.Маслов «Минувших дней людские судьбы». Мытищи, 2004)

**Об А.А. Флоренском и Е.К. Устиеве см: Оноприенко В.И. Флоренские. Научно – биографическая серия. М. Наука, 2000. С. 67-91.)

сиональных огородников, работавших на рынок.

В выходные дни и на праздники он забирал нескольких наших школьников, уходил в горы близ Тифлиса или, немного отъехав от него, по железной дороге. Я с Александром Александровичем ходил немного, большой вес, который у меня был с самого раннего детства, делал меня плохим ходоком, особенно в горах, но и то немного, что я смог походить с ним, оставило у меня совершенно замечательные воспоминания. Александр Александрович буквально «знал все», он рассказывал обо всех растениях, показывал и разбирал жизнь пойманной насекомухи, с ходу по характеру ползания узнавал змею и ящерицу. Рассказывал об истории тех мест, по которым мы проходили, и о встречаемых камнях. Георгий, о котором я упоминал выше, был одним из самых усердных «путешественников», сопровождавших А. А. Думая, что А. А. отдавал нам все, мы, к счастью, ошибались. Потом оказалось, что именно в этот год А. А. поступил вольнослушателем в университет, написал диплом и защитил его в Тифлисском университете. В следующем, 1922/23 учебном году А. А. был уже ассистентом кафедры минералогии Тифлисского университета...

А. А. жил в собственном доме (вернее, доме отца, который к этому времени уже скончался) на углу Кирочной и Николаевской улиц. Перед домом был густой, хоть и «не ухоженный», но бурно разраставшийся сад. Этот сад тоже был «питомцем» А. А. Убирать сад и возделывать его у А. А. никогда «не было времени», но за каждым деревом и кустиком он внимательно следил. Однажды мы, мальчишки, сидели с А. А. под старым, почти засохшим персиковым деревом и слушали его рассказы. В процессе беседы А. А. встал, залез на стул и сломал здоровенную, чуть не самую большую ветку дерева, затем поломал еще с десяток веток, велел нам выкопать над корнем ямку и залить туда ведро воды, притащил компосту, который лежал в куче в углу сада, после чего через неделю я поразился. Персиковое дерево ожило, за неделю оно как-то стало зеленой, кустистой и моложе.

Дом у Александра Александровича был полон любопытных вещей, это – картины и различные камни, гербарии, археологические находки, скульптуры. Сам А. А. прекрасно рисовал и лепил. У него в доме было собрано много предметов старого быта жителей Кавказа и Закавказья и книги по самым различным областям знания.

Квартира Александра Александровича никогда не закрывалась, к нему можно было прийти в любое время дня и ночи и, если хозяина не было дома, можно было садиться, брать любую книгу, читать или делать что угодно другое и ждать хозяина. В доме было всегда много уютнейшей живности. Какие-то диковинные куры, (но их я видел только в самом начале нашего знакомства), потом была кошка и щенки, в одно время у него рос волчонок, который весьма сурово обходился с окрестными кошками. Пока те щетинились, шипели и распускали когти, волчонок просто успевал откусывать им головы. Кажется, этого волчонка подстрелил милиционер, но тогда тот уже был крупным волком и дрался с собаками.

Валерий Петрович Петров, 1960-е годы. Дружеский шарж И. А. Островского.

Тюльпан Tulipa Florenskii, названный в честь А. А. Флоренского ботаником Ю. Н. Вороновым на почтовой марке республики Азербайджан 1993 года.

Появлялись и жили у Александра Александровича по несколько месяцев (и годами) беспризорные ребята; всех их А. А. подкармливал и одевал довольно прилично, но вместе с тем требовал от них учиться, ну а это было для некоторых совершенно невозможно, и такие быстро уходили вновь в бродяжничество. Краж, впрочем, у А. А. не было.

Порядка в квартире ни в чем не было. На самом видном месте на этажерке мог лежать стоптанный ботинок горца, а старинная икона или скульптура – лежать под диваном и т. д. Самым, конечно, удивительным в этом доме был его хозяин. В своей жизни я потом встречался со многими крупными, великими и талантливыми людьми, но никого более талантливого, чем А. А. Флоренский, я не встречал. Природа наделила его светлым умом, умением быстро улавливать суть разговора, прекрасной памятью, способностью быстро читать и схватывать суть прочитанного, блестящим умением рисовать и большой музыкаль-

ностью. Он интересовался всем и знал очень много. Кроме естественных наук он знал историю, особенно историю Кавказа и прилегающих стран, искусство и многое другое. Единственно, чего ему не хватало, это умения доводить дело до конца. С большим энтузиазмом он хватался за какую-нибудь новую идею; быстро добывал материал и решал ее в общем виде, а потом она его уже несколько не интересовала, и он о ней переставал думать и говорить.

После того как А. А. Флоренский стал ассистентом Александра Антоновича Твалчрелидзе на кафедре минералогии, в наших беседах появилась новая, минералогическая тема. Как я сейчас представляю, А. А. проверял на нас свои предполагаемые лекции и занятия со студентами. В один из вечеров, видимо это было в 1923 г., трое из нас Георгий, Женя и я задержались у А. А., и он нам начал рассказывать о пирите. Остается только жалеть, что тогда не было магнитофона и этот рассказ не записан. Это была поэма о пирите: описание свойств, экскурс в историю минералогии и историю культуры, учение о связи пирита и сопровождающих его минералов, а также вмещающих их горных породах (теперь об этом мы говорим как о парагенезисе минералов) и роли пирита в промышленности. Мы слушали его «с открытым ртом». И для меня, а также для Георгия и Жени этот вечер решил дальнейшую судьбу.

Уже на следующее утро я начал искать у себя пирит. У моего отца были кое-какие камни, в том числе оказался и пирит. Была у нас и замечательная книга Браунса «Царство минералов». Кроме текста (кстати сказать, довольно скучного и примитивного), там были прекрасные таблицы цветных рисунков минералов.

Эта книга сразу стала моим настольным руководством.

Отец давно интересовался общей геологией и палеонтологией, и у него были кое-какие минералогические сборы. Все минералы у отца я сейчас же забрал и начал с ними возиться. И тут отец припомнил, что его брат, погибший во время войны в 1915 году, довольно интенсивно собирал минералы, и предположил, что эта коллекция еще сохранилась. Через некоторое время мы уже были в старом Кутаиси, где

жила моя тетья, и я стал обладателем более или менее стандартной уральской коллекции. Правда, там были и интересные кавказские образцы. В частности, редчайший почти мономинеральный кусок дашкесанского кобальтового блеска килограммов на 10. Этот минерал там добывался в самом начале двадцатого века.

Об истории этого кобальтового месторождения мне несколько позже рассказывал проф. Г. М. Смирнов, бывший в те годы геологом Кавказского геологического управления. Она довольно интересна. Дашкесанское месторождение железной руды принадлежало в прошлом веке местному армянскому жителю, но организовать здесь добычу руды он не сумел и решил продать это месторождение. Для оценки месторождения владелец рудника пригласил геолога из Германии (кажется из промышленной группы Сименсов), который «добросовестно» оценил месторождение железа, умолчав об обнаруженном им здесь же, в пределах выходов магнетита, гнезде кобальтового блеска. Хозяин рудника считал его дешевым арсенипиритом. Через некоторое время владелец получил предложение продать месторождение. После того как месторождение было продано, оказалось, что покупателем был тот самый геолог, который его оценивал.

Дашкесанское железорудное месторождение. Январь 1972 г. Студентам объясняет главный геолог рудника О.А. Аскеров. Слева направо: В. Беленький, Л. Донгарян, Л. Панкратова, Н. Караченцева, П.В. Флоренский, Ю. Пименов, Н. Вячеславов и О.А. Аскеров. (ЗКН, 27.01.1972, №20 (584).

Из гнезда кобальтовых руд было добыто такое количество кобальта, что его стоимость в несколько раз превысила ту сумму, которая была уплачена за месторождение.

Дядя мой в период разработки кобальтовой линзы побывал в Дашкесане и получил этот образец. Сейчас образец находится в музее университета Грузии.

Самое главное в наследстве дяди для меня были книги по минералогии, которые в те времена добыть было невозможно»*.

Н. Найдин. Цикл юридических наук. Полицейское право. Из серии открыток. 1911

*Петров В. П. Воспоминания о камне и о людях, связанных с наукой о камне. М.: ГЕОС, 2005.

Н. Найдин. Член Кавказского Землячества. Из серии открыток "Типы студентов". 1911

ситета Святого Владимира в Киеве, участвовавшим в волнениях 7 декабря 1900 года, либерально настроенное российское общество возмутилось. В ИМУ первая большая сходка протеста состоялась 29 января 1901 года. «Передовые студенты» требовали «выразить энергичный протест против мер царского правительства, ответив на них общей забастовкой». Обеспокоенное сходкой университетское начальство призывало продолжать занятия: «С самого начала учеб-

Прежде чем перейти к предыстории нашего Университета, вспомним, как заботились профессора о своих воспитанниках, вовлеченных в революционные волнения. Начало двадцатого века – это один из самых болезненных периодов нашей истории, канун первой русской революции, пора смуты, беспорядков, митингов и забастовок. Москва и ИМУ стали первой площадкой, на которой разворачивалась русская трагедия. Революционная лихорадка поразила высшую школу России еще в конце XIX века. Пытаясь противостоять смуте, царское правительство 29 июля 1900 года издает «Временные правила», авторами которых были тогдашний министр внутренних дел Сипягин и министр народного просвещения Боголепов*.

Один из пунктов «Временных правил» предписывал студентам, участвовавшим в «беспорядках скопом», исключать из университета и отдавать в солдаты.

Когда «Правила» применили к 183 студентам Универ-

На основании распоряжения г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 21 января 1887 года обязуюсь во время пребыванія моего въ Университетѣ не принимать участія ни въ какихъ сообществахъ, какъ, наприкладъ, землячествахъ и тѣмъ подобнымъ, а равно не вступать даже въ дозволенные закономъ общества, безъ разрѣшенія на то въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ближайшаго начальства. При сей подпискѣ мнѣ объявлено, что за нарушение ея и подаже удаленію изъ Университета.

Студентъ Катяпатисбаи факультета 1го курса

Павел Александрович Флоренский

Обязательство студента не принимать участия в обществах, подписываемое при поступлении в Университет. Центральный Исторический архив Москвы. Фонд 418 – Архив Императорского Московского университета, опись 314 – прием 1900 года, ед. хр.859. – Дело студента П.А. Флоренского.

* Сипягин Д. С. (1853–1902) убит в вестибюле Марининского дворца, членом Боевой организации эсэров, 20-летним студентом Степаном Балмашевым (от помилования отказался, повешен 3 мая 1902 г. в Шлиссельбургской крепости). Боголепов Н. П. (1846–1901) – до 1898 г. ректор Московского университета, смертельно ранен 24 марта 1901 г. бывшим студентом Московского университета, с 1907 г. членом Боевой организации эсэров Петром Карповичем (приговорен к каторге, бежал, жил в эмиграции).

ного года недоброжелательные правильно-му ходу университетских занятий элементы пытались взволновать студентов прокламациями, возмутительными по форме и лживыми по содержанию».

Студенчество не было единым: выделились радикальные «политики» и сторонники академических реформ в высшей школе. Радикалы требовали замены самодержавного строя конституционным, перехода от абсолютизма к народному представительству, автономии высшей школы, окраин и органов общественного самоуправления. «Академисты» считали, что университет не должен становиться «политическим клубом», а студенчеству нужны только академические реформы. Бастовать или продолжать учиться? Ответ должна была дать всеобщая сходка 23 февраля. К университету стала стекаться толпа. Пришло более шестисот человек. Актовый зал переполнен. Сходка подтвердила решения, принятые 29 января. К концу сходки стало ясно, что её участники – в ловушке. Ворота университетского двора оказались закрыты, а сам университет был окружен войсками и полицией, которые отесняли толпу, рвущуюся на помощь студентам от Манежа и Никитской. Толпе удалось отбить от жандармов около полусотни студентов, остальных полицейские препроводили и заперли в Манеже. К ним приходили профессора, убеждая смириться и разойтись по домам. Однако студенты держались стойко, от своих требований не отступали, а самую непримиримую позицию занимали слушательницы Высших женских курсов Герье, сестры и подруги арестованных. В ночь на 26 февраля полиция, угрожая применением силы в случае дальнейшего сопротивления, под конвоем переправила студентов в Бутырскую тюрьму.

Группа студентов Московского императорского университета, участников волнений 1902 года в камере Бутырской тюрьмы. Собрание музея истории МГУ им. М. В. Ломоносова

Казаки у ворот Университета. Литография, 1905 г.

К студентам обратились 66 крупнейших ученых Москвы – гордость российской науки. Воззвание было опубликовано в нашей многотиражной газете «Поиск», в 199 г. о чем будет рассказано в соответствующем месте. Листовка – свидетельство оте-

ческого отношения преподавателей к студентам. Против воззвания выступил К. А. Тимирязев (будущий «депутат Балтики»), заявивший о своей отставке, что вызвало восторг у радикального студенчества. Представители радикалов клеймили профессоров, обвиняя в предательстве студентов: большая группа слушательниц Высших, педагогических и фельдшерских курсов призывала студентов-юношей к самым радикальным мерам, называя не участвующих в протестах трусами, страдающими «шкурной болезнью»...

Сходка студентов в аудитории Университета. 1905 г. Собрание музея истории МГУ им. М. В. Ломоносова

Тогда, в первом году прошлого века, никто из студентов не был отдан «в солдаты». К участникам сходов зимой 1901 года были применены иные меры: исключение из университета, административная высылка и другие взыскания. Студенческие волнения пошли на убыль. Уже в апреле многие студенты были восстановлены в университете.

Профессор Московского императорского университета, князь Сергей Николаевич Трубецкой (1862 – 1905), первый выборный ректор Университета (1905)..

С новой силой пожар вспыхнул в 1905 году. Опасаясь трагического для университета исхода, его добрый гений и первый выборный ректор князь С. Н. Трубецкой («наш князинька», как ласково величали его за глаза студенты) 22 сентября 1905 года закрыл университет и выехал в Петербург для объяснений с министром народного просвещения Глазовым, в кабинете которого с ним случился сердечный приступ. 29 сентября С. Н. Трубецкой скончался.

В годы реакции, последовавшие за первой русской революцией, ректор ИМУ А. А. Мануйлов, его помощник М. А. Мензбир и проректор П. А. Минаков встали на защиту студентов против ужесточения режима министром народного просвещения Л. А. Кассо. Они не нашли иного пути, как в знак протеста подать в отставку. Но правительство опередило их и уволило всех троих из университета. В знак протеста начался массовый выход из университета профессуры: подали в отставку 130 профессоров, доцентов, преподавателей – более трети профессорско-преподавательского

Профессора Московского императорского университета, подавшие в отставку в знак протеста против отставки ректора и проректоров Университета. Сидят: В. П. Сербский, К. А. Тимирязев, Н. А. Умов, П. А. Минаков, А. А. Мануйлов, М. А. Мензбир, А. Б. Фохт, В. Д. Шервинский, В. К. Цераский, кн. С. Н. Трубецкой. Стоят: И. П. Алексинский, В. К. Рот, Н. Д. Зелинский, П. Н. Лебедев, А. А. Эйхенвальд, Г. Ф. Шершеневич, В. М. Хвостов, А. С. Алексеев, Ф. А. Рейн, Петрушевский, Б. К. Млодзеевский, В. И. Вернадский, С. А. Чаплыгин, Н. В. Давыдов. Фотография А. Стейкера. 1911.

состава. В знак солидарности в отставку подали ректор и проректор Петербургского университета Д. Д. Гримм и Д. Д. Андреев. Если десять лет назад подавший в отставку Тимирязев был в одиночестве, теперь в меньшинстве оказались преподаватели, не бросившие студентов в ответственный момент. Оставшиеся были подвергнуты остракизму. Сохранилась статья «Проклятый вопрос» профессора Г. А. Кожевникова (деда профессора нашего Университета Дмитрия Александровича Кожевникова), изданная «на правах рукописи для лиц, лично знающих автора». В ней автор обсуждает моральную неправомерность из-за конфликта с правительством предавать учеников. «Я считаю, что ни при каких обстоятельствах не следует покидать своего поста, пока самое пребывание на нем не потеряло своего смысла или вследствие моей собственной неспособности делать свое дело, или вследствие того, что независящие от меня и неустраняемые обстоятельства не дают мне выполнить своего долга»*.

*Кожевников Г. А. (1866–1933) – естествоиспытатель, зоолог, основоположник природоохранного движения в России, в 1900 г. опубликовал защищенную магистерскую диссертацию, с 1904 по 1931 гг. директор Зоологического музея и заведующий кафедрой зоологии беспозвоночных. В 1905 г. защитил докторскую диссертацию, представлял Россию в 1913 г. на первом международном конгрессе по охране природы, был одним из основателей Всесоюзного общества охраны природы ВООП.

Напротив, подавшие в отставку профессора были убеждены в правильности своей гражданской позиции. Самые известные из них запечатлены на коллективной фотографии, которую потом издали как почтовую открытку. Ее публиковали неоднократно, но с вымаранными лицами некоторых господ профессоров (в разное время – разными, согласно императивам времени). Многие стали лидерами демократического движения, входили во Временное правительство. Но кто мог знать, что после 1911 года наступят февраль, а затем и октябрь 1917, в 1928 году Университет будет реорганизован, а потом придут 1930-е ...

События в ИМУ первого десятилетия прошлого века – трагическая и славная история борьбы его профессоров за реформу высшей школы, университетскую автономию, за своих учеников, за то, чтобы университет стал, по словам кн. С. Н. Трубецкого, «рассадником выс-

Профессор Московского императорского университета Григорий Александрович Кожевников (1866–1933)

шего научного знания». События эти явили множество примеров самопожертвования и солидарности профессоров и студентов. Но история России делала головокружительные виражи, которые не могли предвидеть даже лучшие умы страны. Россия надорвалась, и произошло то, что произошло.

Становление нефтяного образования в стране связано с Московской горной академией (МГА). Она была задумана еще до революции, а в 1918 году вышел Декрет Совета Народных Комиссаров о её создании. Первым директором МГА был назначен Д. Н. Артемьев – ученик Н. Е. Федорова и В. И. Вернадского. А. Е. Ферсман охарактеризовал его так: «Здесь рядом со мной вел свой анализ Д. Н. Артемьев, представитель золотой молодежи, блестящий исследователь кристаллографии в школе Е. С. Федорова, потом видный работник Наркомпроса, первый ректор Горной академии в Москве, спекулянт бриллиантами и драгоценными камнями, бежавший за границу, снова кристаллограф, издавший в Берлине прекрасное руководство по кристаллографии, и, наконец, настоятель крупнейшего католического монастыря на юге Франции, а сейчас, говорят, кардинал».

12 января 1919 года состоялось торжественное открытие Горной академии. Актовую лекцию прочитал геолог профессор Владимир Афанасьевич Обручев, знаток Сибири, впоследствии академик, всемирно признанный ученый. К счастью, текст лекции сохранился. Вот ее начало: «Ископаемые богатства России и их утилизация (до войны)» – такая тема для речи на акте МГА в настоящий момент кажется мне вполне уместной и своевременной. Назначение МГА – подготавливать деятелей по горному промыслу, которые должны изучать, разведывать, добывать и обрабатывать различные полезные ископаемые. Каждого из этих будущих горных работников, естественно, должны интересовать вопросы – каковы же эти ископаемые богатства, много ли их, как они распределены на территории государства и как пользовалась Россия ими до сих пор... Может быть, земля русская совсем оскудела и наши ископаемые богатства исчерпаны?»*

Отвечая на свой вопрос, В. А. Обручев показал на геологической карте главные районы добычи минерального сырья в России, где уже выявлены новые богатые месторождения и где их можно найти, если приложить к этому необходимые знания

Остатки баррикады у арки в Университет. 1905 г. Собрание Музея истории МГУ.

Ни права, ни рукописи.

Проклятый вопрос.

(Къ современному положению Университета.)

Noli tangere circulos meos!
Изречение, приписываемое Архимеду

Из литературъ существуетъ терминъ „проклятые вопросы“. Университетскій вопросъ по своей трагической неразрѣшимости съ полнымъ правомъ можетъ быть отнесенъ къ этой категоріи.

Изъ настоящаго времени, когда въ результатъ цѣлаго ряда дѣйствій длиннаго ряда лицъ, начиная со студентовъ—первокурсниковъ и кончая Советомъ Министровъ, произошло коренное потрясеніе университетской жизни, когда тяжелый кошмаръ заступилъ мѣсто науки и ученія, когда душевная жизнь лицъ, всецѣло отдавшихъ себя служенію величайшимъ идеаламъ науки и просвѣщенія, обратилась въ кровавый адъ, въ настоящее время неудержимо хочется сдѣлать то, на что въ обычное время не найдешь въ себѣ рѣшимости: закрѣпить неизгладимыми печатными строками святая святыхъ своей души и отдать это на судъ окружающихъ. При этомъ я думаю, что въ настоящее смутное время, когда такъ много неясно, откровенное мнѣніе объ университетскомъ вопросѣ человека, двадцать два года прослужившаго университету, можетъ хотя кому либо помочь что-либо выяснять въ современной путаницѣ событій и мнѣній.

— 16 —

науки возможно большее количество денегъ, а затѣмъ— наука не касается правительства, а правительство не касается науки.

Полная свобода науки и полная свобода отъ политики—вотъ истинный девизъ университета, до сихъ поръ не вполне признаваемый нашимъ обществомъ. А долгъ профессора только въ слѣдующемъ: профессоръ долженъ всецѣло силами своего ума и воли содѣйствовать развитію науки и усвоенію ея учащимися—и только. Служить только науку настолько трудно, что если профессоръ сможетъ совершить этотъ подвигъ, то это будетъ лучшимъ воспитательнымъ примѣромъ для молодежи. На своемъ посту онъ долженъ оставаться, несмотря ни на какія обстоятельства, пока имѣетъ силы и возможность работать.

7 февр.
1911 года.

Профессоръ Московскаго Университета
Григорій Кожевниковъ.

Напечатано на правахъ рукописи для лицъ, лично знающихъ автора. Въ продажу не поступало.

Типографія „Печатное Дѣло“ Ф. Я. Буричъ, Москва, Таверская Бульв.

Первая и последняя страницы брошюры профессора Московского императорского университета Григория Александровича Кожевникова "Проклятый вопрос". 1911 г. . Архив профессора РГУ нефти и газа им И.М.Губкина Д.А. Кожевникова.

*Лапинская Т. А. Из истории Московской горной академии // Ветераны. Воспоминания. Вып. 8. М., 1995. С. 77-92).

и уменье. Продемонстрировал диаграммы, характеризующие положение России по масштабам добычи различных минералов и руд, и, заканчивая выступление, подытожил: «Я думаю, сказанного достаточно, чтобы показать вам, как велики наши ископаемые богатства и как плохо пользовались мы ими до сих пор. По запасам их на нашей огромной территории мы могли бы стоять на первом месте в мировой добыче, и, во всяком случае, рядом с Соединенными Штатами, а мы во всех отраслях горного промысла, кроме нефти и платины, занимали пятое, шестое, восьмое или еще более далекое место позади разных маленьких государств, не имеющих и десятой доли наших запасов... Россия, одаренная природой огромными ископаемыми богатствами, сбросившая путы самодержавного строя, тормозившие всю жизнь, будет быстро развивать свое горное дело, и в ближайшие годы спрос на образованных горных деятелей будет огромный. Пора готовиться к этому спросу, чтобы он не захватил нас врасплох и чтобы не пришлось обращаться опять за помощью к варягам. Страна наша велика и обильна; пора умело использовать это обилие, чтобы нельзя было сказать про свободную русскую республику, что глупому сыну не в помощь богатство».

Помимо планомерного упорядочения учебных планов, программ и методик преподавания, педагогический коллектив академии, руководимый выдающимися учеными и специалистами-производственниками, стал налаживать научную работу, привлекая к ней как можно больше студентов. Среди наследия профессоров

Профессор Московской горной академии геолог Владимир Афанасьевич Обручев (18 –19).

ИМУ была и традиция научных студенческих обществ или кружков, созданных на всех факультетах. На геологическом факультете уже в 1920–1921 годах работали под руководством профессора Г. В. Ключанского 27 студентов, у сменившего его профессора А. М. Терпигорева работали уже более 40 студентов*. В конце февраля 1921 года по инициа-

Московское коммерческое училище, Москва, Б.Калужская 6, где в 1918 году разместится Московская горная академия. Открытка 1910-х годов. Собрание И.Г.Фукса.

*Вестник Московской Горной академии, 1922.)

тиве преподавателя Е. В. Милановского прошло организационное собрание геологического кружка. В состав президиума вошли Е. В. Милановский и студент В. В. Штильмарк.

Главная задача кружка – ознакомить студентов с вопросами теоретической и прикладной геологии – решалась составлением рефератов, сводок новейшей литературы, изложением и обсуждением результатов собственных исследований.

Осенью 1921 года после возвращения студентов с летней практики был разработан устав кружка, утвержденный правлением академии 2 января 1922 года. В новый президиум вошли преподаватели Е. В. Милановский и Н. С. Шатский и студенты Н. К. Игнатович, М. Ф. Мирчинк и В. В. Штильмарк. На еженедельных заседаниях слушались сообщения преподавателей и студентов по результатам обработки материалов, собранных во время практик, и весьма полезные методические сообщения (например, доклад профессора Г. Ф. Мирчинка «Методика сбора геологической литературы»). Многие публиковались в «Вестнике МГА». Вначале в кружок входили 10-15 студентов, а в 1922/23 учебном году их стало 30-35. На заседаниях постоянно бывали и активно участвовали в обсуждении докладов преподаватели факультета и других подразделений академии. Так же строилась работа и других кружков, которые не только приобщали студентов к актуальным проблемам избранной специальности, будили их творческую мысль, учили обобщать и анализировать добытые самостоятельно во время практик новые фактические данные, но и создавали атмосферу делового и плодотворного общения с преподавателями.

В 1920 г. на должность профессора МГА приглашается И. М. Губкин. Там он создает первую в России нефтяную кафедру, а затем и нефтяной факультет. Спустя год становится проректором, а с 1922 по 1930 г. – ректором МГА.

Зима 1923 г. Празднование 5-летия Московской горной академии студенты и преподаватели Московской горной академии. В первом ряду сидят: в центре А. А. Блохин, слева К. Р. Чепиков, в верхнем ряду стоят справа профессор профессор С. Ф. Федоров, в центре на фоне входа – С. М. Киров, в то время секретарь ЦК КП(б) Азербайджана. Собрание музея РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина.

Студенты и преподаватели Российского государственного университета им. И.М. Губкина во время ежегодного традиционного посещения родины И. М. Губкина, села Поздняково Нижегородской области, в день его рождения -21 сентября 2004 года. Памятник открыт в 1978 году. Скульптор С.Н.Волков. Фото И. А.

Иван Михайлович родился 21 сентября 1871 г. в селе Поздняково Муромского уезда Владимирской губернии. Его родина – место традиционного паломничества студентов университета в день его рождения. До сих пор в селе живут Губкины, а ребята обязательно фотографируются вместе с двумя Иванами Губкиными – юношей и памятником. Путь ученого начинался с сельской школы, Муромского уездного училища, Киржачской учительской семинарии и работы сельским учителем. В 1895–1898 гг. он учился в Петербургском учительском институте и пять лет преподавал в городских училищах Петербурга. Казалось бы, карьера завершена, но Иван Михайлович в 1903 г. снова становится студентом, теперь – Петербургского горного института, который закончил в 1910 г. по первому разряду и только в 40 лет стал профессиональным геологом.

И. М. Губкин работал в экспедициях в качестве адъюнкт-геолога вплоть до 1916 г., когда его избрали в Геологический комитет. К этому времени он был автором 16 статей (в основном,

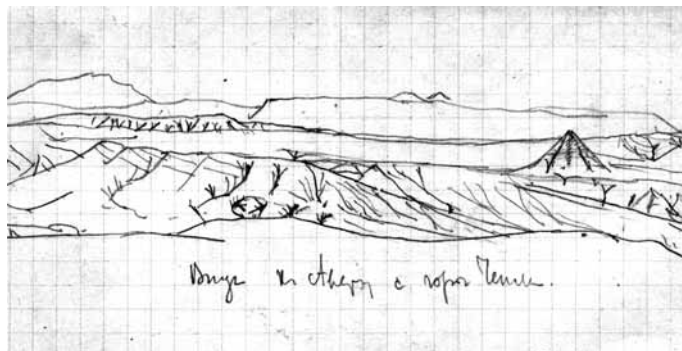

Рисунок из полевой книжки И.М.Губкина. 1916 г.

Работы лета 1916 года

- 13 мая птница Троица
в 6ч 10и покисани буромеги 755 м.
Ползла в Сунженский крестин дителн
и М.И. Карном.
- 1(313к) Вазда акриомека ракушечка
Наг 1033° и 24°.
- 2(312к) Акриомека ракушечка Наг 342/36
3. Вазда буромека сунженская или с крестин
или тонко сунжен буромека (сунжен буромека)
сунжен типа сунжен сунжен в
амбара вазда и Кобел на крестин сунжен
Кампан Вознесенский ртита
- 4 На Троица на 50 м в Сунжен на крестин
Сунжен Сунжен дителн Вазда страс некое
сунжен буромека некоем просоном
Вазда по крестин вазда буромека крестин
до крестин буромека мерлин
По крестин мерлин наг 1028° и 18°
Крестин по крестин в крестиннах Крестин на
крестиннах страс некоем сунжен буромека
буромека ракушечка некоем
- 5 Еще крестин по крестиннах вазда мерлин
Крестиннах страс мерлин.
6. В праван боку Вазда страс некоем
сунжен или сунжен тонко сунжен
мерлин, в крестиннах Corallia dendron
Наг SW 204 и 36°.
7. Наг SW 194 и 47 в м-буромека мерлиннах или
наг крестиннах сунжен сунженнах крестин
сунженнах

Листок из полевой книжки И.М.Губкина. 1916 г.

по геологии нефти), специалистом по нефтеносным территориям Северного Кавказа. В архиве автора и в собрании музея университета хранятся его полевые книжки тех лет, служащие теперь предметом исследований и докладов студентов.

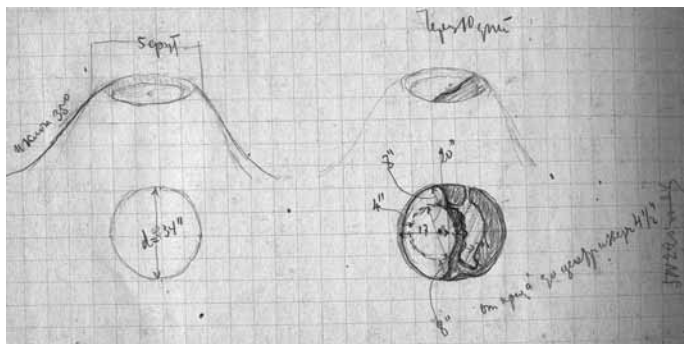

Схема грязевых вулканов из полевой книжки И.М.Губкина. 1916 г.

В 1917 г. правительство командировало его в США для изучения месторождений и американских способов добычи нефти. По возвращении в Россию в 1918 г. И. М. Губкин вошел в комиссию Главного нефтяного комитета ВСНХ и назначен председателем Главного сланцевого комитета. Тогда же организовал издание журнала «Нефтяное и сланцевое хозяйство» (впоследствии «Нефтяное хозяйство»).

И. М. Губкина неслучайно называют создателем, организатором, первооткрывателем, инициатором многих направлений в нефтяной науке – в конкретных исследованиях и в разработке научных программ. Еще в 1910 – 1913 гг. он предложил новый метод составления геолого-структурных карт, принятый впоследствии во всем мире. Первым обнаружил рукавообразный тип залежей нефти, заложил основы палеогеографии нефтяных месторождений, изучил закономерности распространения и происхождения грязевых вулканов и их связь с нефтяными месторождениями, обобщил опыт исследований в области происхождения нефти и условий формирования нефтяных месторождений, создав геологию нефти как науку, основы которой изложены в его классическом труде «Учение о нефти».

В начале 1920-х годов И. М. Губкин поддержал идею разведки залегающих на глубине сотни метров железистых кварцитов Курской магнитной аномалии (КМА) и организовал туда экспедицию. Сергей Петрович Раевский, будущий инженер-геолог, сделал фото участников экспедиции. Из архива преподавательницы Университета Наталии Никитичны Урусовой, которая назвала изображенных на фотографии.

И. М. Губкин предвидел высокие перспективы нефтегазоносности Урало-По-

Экспедиция с участием И.М.Губкина на Курскую магнитную аномалию 9-13 августа 1923 г. Щигры. Фотография С. П. Раевского 11 августа. Слева направо: Владимир Петрович Лазарев, Поликарпов, академик Петр Петрович Лазарев, юрист-консультант кн. Ю. Д. Урусов, Иван Михайлович Губкин, астроном Р. Н. Шестовский, буровой мастер, горный инженер А. Я. Гиммельфарб, двое буровых мастеров, Каргин (?).

волжья, но лишь в 1928 году ему удалось организовать систематические геологоразведочные работы на нефть в Приуралье и Заволжье. Его прогнозы блестяще подтвердились: в 1932 году в Башкирии открыли Ишимбаевское нефтяное месторождение.

Так началась славная история нефтяной промышленности Урало-Поволжья – «второго Баку». Верными оказались и предположения И. М. Губкина о существовании богатых месторождений в Западно-Сибирской низменности, Кузбассе, Туркестане, Минусинской котловине, Прибайкалье, Якутии.

Параллельно с педагогической деятельностью он был председателем Особой комиссии по изучению Курской магнитной аномалии (1920–1925) и членом Госплана СССР (1921–1929), обследовал Бакинский и Грозненский нефтяные районы, возглавлял Совет нефтяной промышленности, работал заместителем директора Геологического комитета ВСНХ и директором его Московского отделения (1923–1928), состоял членом президиума Коллегии научно-технического уп-

«Петрографы» над грязевым вулканом. Сураханы. 1975 г.

Студенты в карьере. Курская магнитная аномалия. 2001 г.

правления ВСНХ СССР (1927). В 1925 г. И. М. Губкин создал Государственный исследовательский нефтяной институт (ГИНИ) и до 1934 г. руководил им. В 1929 г. И. М. Губкин избран академиком АН СССР.

В конце двадцатых годов окончил школу В. П. Флоренский – впоследствии создатель и руководитель кружка «Петрограф». Остановлюсь на его детстве и юности, которые наложили отпечаток и на его педагогическую работу.

Василий Павлович Флоренский родился 2 июня (20 мая) 1911 года в Сергиевом Посаде в семье философа и богослова, священника Павла Александровича Флоренского (1882-1937)*. Летом 1924 г. П. А. Флоренский, занимавшийся во Всесоюзном электротехническом институте проблемой плавления базальта для решения задач электротехники, выехал в экспедицию в район Аджарис-Цхали под Батумом и взял с собою старших сыновей-школьников Василия и Кирилла. Эта первая экспедиция, знакомство с горными породами и минералами в естественных условиях, природа Кавказа, которую прекрасно знал и о которой увлекательно рассказывал Павел Александрович, во многом определили выбор их жизненного пути. Собственно, и сам Павел Александрович постоянно интересовался геологическими исследованиями, и, при всем увлечении физикой, никогда их не оставлял, заинтересовав и детей. О геологе Александре (среднем брате Павла Александровича) уже говорилось. И для Василия Павловича геология стала жизненным выбором, определила всю его судьбу, накрепко привязала к себе, как и Кавказ, к которому он испытывал генетическую и профессиональную привязанность.

В конце двадцатых годов резко усилилась идеологическая борьба. Начались процессы против «спецов», готовилась, а вскоре была проведена реорганизация Академии Наук и высшего образования.

Профессор МГУ, а после 1930 года МГРИ, Владимир Иванович Лучицкий со студентами. Слева направо сидят: Ф. В. Чухров, В. И. Лучицкий, В. С. Мясников, П. С. Калинин; стоят: В. П. Флоренский, А. В. Сарычева, В. Минаков (?), Кац, Н. В. Петровская, А. Ершов (?). На обороте: "Ноябрь 1931. Профессору – ударнику, от ударной группы студентов-минералогов 4 курса". и подписи. Архив семьи Лучицких.

Весной 1928 г. был арестован по Сергиево-Посадскому делу П. А. Флоренский и выслан в Нижний Новгород. Осенью он вернулся в Москву: «Был в ссылке, а вернулся на каторгу, – сказал он о царившей кругом атмосфере. В этом же году В. П. Флоренский поступил на геолого-почвенное отделение Второго московского государственного университета. Чтобы передать царившую тогда атмосферу травли интеллигенции, остановлюсь на одном эпизоде из студенческой жизни первокурсника

ка В. П. Флоренского. 23 февраля 1929 г. в газете «Комсомольская правда» (№45) появилась статья под следующим заголовком: «Главпрофобр не выполнил партийной директивы. Дополнительные приемы снизили % рабочих в ВУЗах. Требуем генеральной чистки. Дополнительный прием для детей ... попов». И далее: «Не успел еще закончиться осенний прием в ВУЗы, как был поставлен вопрос о проведении дополнительного приема детей специалистов. По всем ВУзам Москвы, Ленинграда и провинции было разрешено принять дополнительно не больше 400 детей специалистов. Этот прием прошел без всякого контроля общественности. Вместо 400 человек, только по первому Московскому Университету было принято 178 новых учащихся. Часть из них не имеет никакого отношения к специалистам... Среди принятых оказался сын «спеца» Флоренского, который по совместительству работает священником».

5 марта 1929 г. П.А.Флоренский обратился в «КОМЯЧЕЙКУ В.Э.И.», выражая свой протест. 7 марта бюро ячейки ВКП(б) Всесоюзного Электротехнического Института постановило послать протест в Редакцию «Комсомольской правды». Приведу его полностью.

В РЕДАКЦИЮ «КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ»

Тов. редактор! Просим поместить в Вашей газете следующее открытое письмо. В номере 45 «Комсомольской Правды» от 23/П-29 г. в статье «Главпрофобр не выполнил партийных директив, требуем генеральной чистки для детей <...> попов» имеется следующее место... «По всем ВУзам Москвы, Ленинграда и провинции было разрешено принять... 400 детей специалистов..., по первому МГУ было принято 178 новых учащихся, часть из них не имеет никакого отношения к специалистам. Среди принятых оказался сын «спеца» Флоренского, который по совместительству работает священником.

Мы считаем, что указание в статье на сына Флоренского основано на явном недоразумении.

Проф. Флоренский является крупнейшим специалистом в области математики и электротехники, причем работает он, главным образом, по диэлектрическим материалам, т. е. в области, где у нас почти нет специалистов. Им проведены большие работы по изучению и рационализации элементного дела, изучены и выдвинуты в промышленность такие диэлектрики, как карболит, стеатит, и базальты, проводятся обследование и нормализация целого ряда других материалов. Эти работы помогли нашей промышленности освободиться в ряде вопросов от заграничной техники и сохранить значительные суммы. Кроме того, П. А. Флоренский ведет большие работы по военной технике. П. А. Флоренский имеет ряд печатных трудов в области электротехники и математики.

С начала революции проф. Флоренский работает с Советской властью сперва в Главхиме на заводе «Карболит», затем с организацией Главэлектро в Техническом и Производственном Отделах его, и в настоящее время во Всесоюзном Электротехническом Институте в качестве Зав. Отделом Материаловедения. Эту работу проф. Флоренский совмещает с участием в целом ряде технических комиссий (ЦЭС, Главэлектро и т.д.) с редактированием Отдела «Технической Энциклопедии».

*О В. П. Флоренском см.: Лапинская Т. А., Флоренский П. В. В. П. Флоренский. (1911-1956.) Выдающиеся ученые ГАНГ им. И. М. Губкина. Вып. 21. М.: Изд. ГАНГ, 1996. Оноприенко В. И. Флоренские. Научно-биографическая серия. М.: Наука, 2000. С. 92-114.

Из всего изложенного следует, что требование чистки по отношению к сыну П. А. Флоренского, как к сыну спеца в кавычках, не отвечает существу дела и идет в разрез с линией партии по отношению к специалистам.

Что же касается второго вопроса, затронутого в указанной выше статье - это об совмещении Флоренским своей научной работы с деятельностью в качестве священника, надо указать, что после революции П. А. Флоренский священнической деятельностью не занимается, и сведения, которые, очевидно, имелись в редакции «Комсомольская Правда» являются неверными.

Вопрос о специалистах очень серьезный, и тем из них, которые имеют ценнейшие заслуги перед Советской Властью, должны быть обеспечены соответствующие благоприятные условия для их творческой и плодотворной работы.

Помещение нашего письма должно исправить допущенную автором статьи ошибку и тем возможность лучшим из специалистов отдать всецело своей научной деятельности.

БЮРО ЯЧЕЙКИ ВКП(б) Всесоюзного Электротехнического Института
Секретарь ячейки ВКП(б): Б.Бирюков.

Добавлю, что члены ячейки коммунистов и секретарь проявили достаточное мужество, написав это письмо. Василий Флоренский продолжал учебу в Университете. В 1930 г. Московский университет был реорганизован, его геолого-почвенный факультет стал ядром Московского геологоразведочного института (МГРИ), куда перевели студентов геологических специальностей, там же оказался и В. П. Флоренский. Студенческие годы остались в памяти прекрасными летними практиками. В 1930 г. В. П. Флоренский вместе с А. В. Сарычевой проходил практику в Восточном Забайкалье, где в составе экспедиции Ленинградского института цветных металлов участвовал в разведке вольфрамитового месторождения Хосмунский Голец. По материалам экспедиции при участии В. П. Флоренского был написан отчет, посвященный геологии и петрографии Колбинского хребта. В 1931 г. вместе с П. С. Мамедовым выезжал от Ленинградского геологоразведочного треста на Тиман для геологического картирования побережья Ледовитого океана, где были выявлены месторождения полезных ископаемых. С участием Флоренского по результатам экспедиции написано два отчета: «Геолого-петрографический очерк северной части Тиманских гор и восточного побережья Чешской губы» и «Кровельные сланцы Чешской губы». После окончания весной 1932 г. МГРИ Василий Павлович был распределен в Государственный институт редких металлов. Последующие три полевых сезона работал в составе Комплексной Таджикско-Памирской экспедиции. Минералогической группой руководил Н. А. Смольянинов.